

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ О ЗАДАЧАХ ИСКУССТВА

MATCAP M., асп.

Рассмотрена концепция художественного творчества Владимира Соловьева в контексте его онтологии и гносеологии.

Ключевые слова: образ Вечности, душевный мир, трансцендентный объект.

VLADIMIR SOLOVYOV ABOUT THE ART MISSION

MATSAR M., postgraduate.

The conception of Vladimir Solovyov creative work in the context of his ontology and gnoseology.

Key words: eternity image, inner world, transcendent object.

В. Брюсов, полагая, что именно поэзия Вл. Соловьева есть подлинное откровение его мирозерцания, отмечает, что его основа есть «глубокий, безнадежный дуализм» [1]. Этот дуализм связан с личностным переживанием мыслителя раздробленности мира, и это переживание определило все его творчество – как поэтическое, так и философское. «Говоря словами Соловьева, есть два мира: мир времени и мир Вечности. Первый есть мир Зла, второй – мир Добра. Найти выход из мира Времени в мир Вечности – такова задача, стоящая перед каждым человеком. Победить время, чтобы все стало Вечностью, – такова последняя цель космического процесса» [1].

Нитью, «протянутой от природы к Богу», соединяющей миры, является Красота. Именно Красота, по мнению Соловьева, является фундаментом Всеединства [2]. Первая победа Добра над Злом видится Владимиру Соловьеву в Красоте природы: *воплощенная* во временном, она содержит в себе отблеск Вечности. Мы всматриваемся, вслушиваемся в нее и творим в нашем сознании прекрасный образ Вечности. Поэтому познание истинной сути мироздания возможно, по Соловьеву, только в триедином акте веры, воображения и творчества. Акт творческий есть одновременно и акт эстетический: зримая Красота открывает возможность познать во временном Вечное.

Постигнутая человеком *идея* единства Добра. Красоты, Истины хранится в нашей памяти. Память есть «простейшая форма борьбы духа с миром времени» [1]. Памятью своей человек связан с миром вечным, память открывает возможность бывшим мгновениям подойти и «снять вдруг покрывало с глаз». Бывшие мгновения, сливаясь воедино, воскрешают в сознании «что-то неразлучное» [3]. Постичь «неразлучное» значит постичь «всеобъемлющую глубину бытия», отождествляемую философом с глубиной душевного мира. Такое постижение обусловлено *укорененностью* нашего собственного бытия и бытия всех вещей и явлений, «призраков минувшего» в одном и том же безусловном существе, в Абсолюте. В Абсолюте, Вечном, имеет место совпадение

потенции и акта. Его самоосуществление есть единовременное утверждение им себя как полагающего свое Другое. Поэтому Его Другое есть *одновременно* пра-материя, видимость (Майя), идея явленная и идея воплощенная (София). Но воплощение есть действительная реализация Другого как множественности, то есть осуществление возможности раздельного существования конкретных душ и тел, а также их мира. И пока еще не достигнуто в этом мире состояние Вечной *со-единенности* духовного с материальным. Здесь порождается существование во Времени, и творение как осуществление Красоты в мире становится процессом. Частная цель этого процесса есть создание человека как Абсолютного становящегося, способного *постичь идею* возможной победы над царящими на земле смертью и Временем и осуществить ее в себе.

На данном этапе эта глобальная идея претворяется человеком в искусстве. Художник, постигающий всеединящий смысл мира эстетически, чувствами как Красоту, воплощает ее в своих произведениях художественно. И поэтому музей, картинная галерея, концертный зал или томик стихов хранят для нас встречу. В нашей власти – вернуться в эти сегменты пространства и снова услышать, уловить, разглядеть откровение «инобытия». Это бытие есть действительно «иное» по отношению к реальной жизни, но его узнаваемость связана с понятием «художественность». Именно красота живописи, музыки, поэзии как таковой распознается нами среди различных стилистических устремлений в жизни эпохи.

Но художник – еще не теург. В его произведениях Время только меняет свою метрику, но не сворачивает себя. Только Богочеловек есть одновременно и «эстет», постигающий, воплощающий из хаоса впечатлений в эмпирических формах сознания *во-ображенную идею*, и Художник, реализующий ее мистически.

Вл. Соловьев, несмотря на присутствие в своих философских построениях идеи расширения пределов искусства человеческого как одной из важнейших, все же осознает его границы. Он не преувеличивает роль художника

как субъекта творчества. Но художник причастен теургическому действию. Чтобы понять механизм преобразовательного действия искусства нам предстоит ответить на вопрос: как различные негативные, *безобразные* явления действительной жизни (ад, чума, кровавые казни, «заживо разлагающийся прокаженный»), перечисленные Соловьевым в заметке «Что значит слово живописность?», становятся *материалом* для создания прекрасных художественных произведений? Ответ на этот вопрос связан с реализацией принципа положительного Всеединства в художественном произведении.

Встреча художественности как онтической сущности со злом реальной жизни, заключенном в сюжете (жизненном, историческом, литературном), приводит к столкновению этих двух начал как в душе Автора, так и в душе Зрителя. Чем выше степень художественного мастерства, тем, сильнее искусство как Красота будет воздействовать на душу непосредственно, совершая Таинство ее освобождения и возрождения.

В одном из «Воскресных писем» [4] Владимир Соловьев описывает механизм сублимации: «Как заставить огонь и воду двигать поезд? Через превращение и сосредоточение сил...». Он приходит к пониманию, что страсти и житейская суэта есть необходимый *материал* душевного бытия, поток энергии, который следует направить в нужное русло. «Наше существование есть непрерывное взаимодействие силы духа с внешней средой... Как внешние случайности вызывают действие страстей души, так эта душа своим первым движением, если только оно, вместо того, чтобы обращаться наружу, обратится внутрь, необходимо вызывает действие нашей высшей духовной природы...». В этой заметке философ не ставит целью рассмотреть собственно искусство как возможный вариант «действия нашей высшей природы». Он говорит о большем – о движении к реализации «бесконечной нравственной величины», к бессмертию. Но что есть, по Соловьеву, искусство, как не составная часть этого движения? С другой стороны, сам философско-художественный текст есть проявление духовной природы автора, результат направленного воздействия сил душевных, откупленных у внешней природы.

И поэтому, – полагает Владимир Соловьев, – искусство всегда останется значимой составной частью свободной теургии. Диалектика катарсического разрешения противоречия красоты и трагедии, а в широком смысле – противоречий жизни духовной и материальной, реализует логику растождествления человеческого «Я» со злом. Только знание человека о своей причастности Добру, именуемое Софией, дает ему силы на преобразование «злой» жизни.

Современное искусство под воздействием философии постмодернизма актуализирует идеи процессуальности, принципиальной нестабильности, номадичности. Происходит новое осмысление дихотомий Время – Вечность и Единое – Многое. Это означает, что искусство в эстетико-художественной форме, а философия в форме понятийной реализуют отказ человека от основных смыслообразующих концептов, на основании которых происходило становление его самосознания. Одним из таких концептов выступает Красота. Некоторые исследователи (например, Е.В. Белогубова [5]), связывая способность к восприятию красоты с сущностной идентификацией, отмечают, что утрата способности к восприятию красоты означает не только превращение общества в хаос, исчезновение структурного единства и органической целостности (основы чувства красоты), но и разрыв внутренних межличностных связей, схематизацию взаимоотношений, выхолащивание личностно-творческого взгляда на мир.

Н.М. Махов отмечает, что, несмотря на «дух эпатажной провокации» на гигантской экспозиции «Арт-Москва» (проведение ее становится традиционным), вся разворачиваемая «панорама артикуляций, кроме единичных исключений, находится за рамками искусства». Он отмечает, что практически ни в чем, во-первых, абсолютно не предусмотрен сам предмет искусства – *трансцендентный объект*, а во-вторых, проявление интереса к человеку означает не интерес к индивидуальной личности, ее духовному содержанию, а к чему-то аморфно-усредненному [6]. Такое искусство, согласно воззрениям Владимира Соловьева, лишено своей сущностной силы.

Именно этой тенденции в искусстве противопоставляют философские идеи Владимира Соловьева – философа и поэта. Одной из важнейших идей, завещанных философом, является тезис о личной ответственности субъекта художественного творчества за те духовные состояния, которые он проецирует в Мир своим искусством. В то же время художественное отношение к миру является базовым, критериальным для всех видов человеческой деятельности. Художник – не только тот, кто создает произведения искусства, но и тот, кто творит по законам Красоты. Через художественное отношение к действительности возможно преодоление Времени как временного, претворение во временное.

Список литературы

1. Брюсов В. Владимир Соловьев. Смысл его поэзии // Брюсов В.Я. Собр. соч. В 7 т. – М., 1975. – Т. 6. – С. 221.
2. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). – М., 2006. – С. 92.
3. Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...» // Стихотворения. Проза, Письма. Воспоминания современников. – М., 1990. – С. 128.

4. Соловьев В.С. Два потока // Воскресные письма // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева. – СПб.: Общественная польза, 1903. – Т. 8. – С. 116–119.

5. Белогубова Е.Н. Категория прекрасного и современная цивилизация // Философия и будущее цивилиза-

ции: Тез. докл. и выступл. IV Российского философского конгресса в 5 т. Т.4. – М.: МГУ, 2005.

6. Махов Н.В. Культурология художественного образа в XX веке // Декоративное искусство. – № 2. – 2001. – С. 31.

Матсар Майе,
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова,
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии,
e-mail: maieke@yandex.ru